

Василий Катанов

Берег детства

РОДИНА

Рощами и селами
Хожу - не нахожусь.
На цветы веселые
Гляжу не нагляжусь.

Речка-серебрянка
Шелестит волной.
Каждая травинка
Говорит со мной.

Говорит мне ветер
С дорогих полей:
Лучше нет на свете
Родины моей.

РЕКА

Бежит река.
Шумит река.
Тростник на ней качается.
Ее дорога далека,
За лесом не кончается.

"Стой!" - громыхнул сердито гром,
Все небо задрожало.
Река взмахнула рукавом
И дальше побежала.

Она уйдет на край земли,
С другой рекой сольется,
Но будет двигать корабли
И чайкам улыбнется.

КАЧЕЛИ

Мы проснулись на заре,
Встали и запели:
"Во дворе,
Во дворе
Выросли качели".
Мы садимся - наш полет
Долго не кончается.
Дом плывет,
Сад плывет,

Вся земля качается.

УТРО

Маленького мальчика
Разбудила мать:
"Солнечные зайчики
Начали играть.
Не пора ли, Сашенька,
И тебе вставать?"

Саша улыбается
И в ладоши бьет.
Саша умывается,
Песенку поет:
"День хороший,
День пригожий
За окном встает".

ШОФЕР

Руль машины я кручу,
Жму на все педали.
Прикачу
Куда хочу:
"Здравствуйте!
Не ждали?"

Покачу по мостовой –
Зашуршат шины...
Всех ребят бы взял с собой,
Да мала машина!

В САДУ

А мы с дедушкой вдвоем
В шалаше теперь живем.
Сад над речкой
Караулим,
Раньше солнышка встаем.

Вместе ходим вечерами
И осматриваем сад...
Звезды в сумерках над нами
Как антоновки висят.

КОСАРИ

Косари идут с покоса,
На плечах сверкают косы.
Говорят, войдя в село:
"Луг остригли наголо!"

Мы навстречу выбегаем
Стайкой загорелую
И в подарок получаем
Землянику спелую.

У БАБУШКИ

Я у бабушки Маруси
Очень весело живу.
У реки гогочут гуси,
Овцы вышли на траву.

Пью утрами
Чай из блюдца
На крыльце, как во дворце.
И у бабушки смеются
Все морщинки на лице.

Вместе с бабушкой встречаю
Рано солнышко в саду
И по маме не скучаю,
Только очень маму жду.

ЖУК

Коробок в моей руке,
Жук усатый в коробке.
Жук жужжит,
Щекочется:
Жить на воле
Хочется.

Ничего, что он сердит:
Пусть в потемках посидит.
Вот как выйду на лужок –
И открою коробок.

КУКУРУЗА

Кукуруза на просторе
Шелестит - шумит, как море.
В море этом
Не впервой
Я скрываюсь с головой.

Непечатые початки
Там со мной играют в прятки,
Если листья развернешь,
Зерна вкусные найдешь.

НА ВОЗУ

Я сижу на возу,
Я солому везу.
Высоко я сижу,
Далеко я гляжу.
Эх и жалко мне мальчишек,
Что остались там, внизу.

КОРАБЛИК

Кораблик мой бумажный
Прощается со мной.
Плывет, плывет отважно
И борется с волной.

Кораблик
Не вернется
Домой к закату дня...
А солнышко смеется
И в путь зовет меня.

ПРИВЕТ

Ветер, вей,
Ветер, вей
Над рябиною моей,
Подымай-ка выше к небу
Сизокрылых голубей.

Ты лети из края в край,
Облети весь белый свет
И ребятам передай
От меня большой привет!

ПОЛЕВАЯ СТОРОНА

Слышу звоны-перезвончики
Утром ранним на лугу.
Ой, какие колокольчик -
Наглядеться не могу.

Вдаль глядят глазами синими
И толкуют дотемна,
Что ты самая красивая,
Полевая сторона.

ДОЖДИК

Толпились тучи в синеве...
Я глянул из окошка:
Запрыгал дождик по траве
В серебряных сапожках.

Он молоточком постучал –
Заговорила крыша.
В саду подсолнух покачал,

И стал подсолнух выше.

Плясать пустился на лугу –
Смотреть ребята рады...
И я под дождик побегу:
Мне подрасти-то надо!

МОЛОТОК

Молоток я полюбил.
Тук-тук-тук! –
И гвоздь забил.
Не устанет рука
От такого молотка.

Я зайду во все углы,
Там, где надо, постучу,
Делать стулья и столы
Молоток свой научу.

РАССКАЗЫ И БЫЛИ

РОДОСЛОВНАЯ

Давно я живу на земле. Как это началось? Мама рассказывала:

- Сама я альшанская. Мне было восемнадцать, когда отец твой с Фоминки присватался.

Сыграли свадьбу, венчались в Альшанской церкви, стали жить. Как тебе родиться, переволновалась я сильно. Показалось, что время пришло. Отвезли меня в Салтыки, в больницу. Лежу день, другой - скучно стало. Запросилась домой. А тут приехал за тетей Груней дядя Илюшка, жили они в ту пору в Альшани, на бугре. Я тоже засобиралась. Сели в телегу и поехали. С Кромской дороги на Альшань свернули - туча зашла, молнии засверкали.

"Поехали, - говорю, - к нашим". Заехали к моим родителям.

Прилегла я в горнице отдохнуть, и тут началось. Кликнули старушку по прозвищу Конфетка. Она велела воды вскипятить и приняла роды. На улице гроза гремит, молнии полыхают, а у меня - радость: сын родился.

К вечеру отец твой приехал с мамашей. Повезли нас с тобой на Фоминку. Дедушка Матвей сам не свой от радости. Кричит: "Внук!" Когда крестили тебя, так народу было в хате от угла до угла. На иной свадьбе меньше. Гости песни пели, а ты все спал.

- А потом?

- А потом стал ты подрастать, ходить научился. Помню, в белой шапочке с махорчиком, в рубашке розовой ходишь по лавке, а бабушка Ефросинья: "Ой, Щура, да какой же он у тебя коротенький! Видать, в альшанскую бабушку Авдотью!" Водила тебя в Кузнецы, в церковь: нашу Алынанскую к тому времени закрыли. Помню, ходишь ты по церкви да все иконы разглядываешь.

- А дальше что было?

- Трудно жили. Люди в колхоз записались, а твоя бабушка Ефросинья: "Сказано в Священном Писании, что все будет людям дадено, да ненадолго". Не пошли. За это у нас из амбара весь хлеб выгребли. Сашка и еще один мужик в сапогах по муке ходили. Чуть корову

не отняли. Отец твой в город подался. Работал там, пока не слег. Меня тоже тиф свалил. Остригли наголо. Дедушка твой Матвей в Сабурово пошел, в пастухи нанялся. Бывало, щей поест, а пайку хлеба - домой. Все тебя подкармливал. Ты ешь, а он смеется, радуется. Выздоровели мы с отцом, решили в колхоз идти. За нами - дедушка с бабушкой и Маня, сестра твоего отца.

Слушаю рассказ матери и вспоминаю: вот я стою на лавке и поедаю пайку сабуровского хлеба на глазах счастливого дедушки. Пайку он вынул из сумки, сшитой из холста, вытканного в нашей хате. Однажды бабушка пошла в Сабурово к дедушке, а он ей в обратный путь что-то в сумку положил. Сказал: "Смотри не разбей, очень нужная в хозяйстве вещь". Бабушка несла тяжелую сумку и все думала, что же это за драгоценность там. Принесла и ахнула: большой серый камень. На том камне точили, помню, и ножи, и лопаты, и топоры. Даже соседи приходили точить.

В колхозе дедушку сделали шорником. Чинил он хомуты, шлеи, обратки и другую упряжь. Делу этому он научился давно, еще в царские времена. Мужики приходили, усаживались на большой сундук, в котором копилось приданое для Мани, и вели долгие разговоры с дедушкой. А он все чинил и чинил хомуты. Я помогал ему относить их в горницу. Пришла как-то бабушка Авдотья, позвала в гости. Я дошел до колодца и говорю: "А кто же дедушке будет помогать?" Вернулся. Дедушка, понятное дело, обрадовался: "Молодец, - говорит, - что не бросил меня". Однажды в саду смотрел я, смотрел, как он прививает яблони, и давай спрашивать:

- Дедушка, а кто был твой дедушка?

- Кто? Мужик, землю пахал.

- А как его звали? Тоже Матвеем, как тебя?

- Нет, у него было свое имя - Антип.

- А по отчеству?

- Было у него отчество, да только... Дедушка вздохнул и развел руками.

Мне стало грустно, будто бежал-бежал и вдруг налетел на каменную стену. Дедушка повел речь о том, каким был Антип сильным и смелым, как выходил без шапки на мороз. Даже такое случалось: зимой сходил на улицу босиком, в хате обмел веником ноги и полез на печь отогреться.

Были и такие истории, где замешаны колдуны и русалки. Однажды летом, уверял дедушка, заметил Антип, что в поле неладно: кто-то по ночам снопы разбрасывает. Пошел в поле, залег в копне и стал наблюдать. Стемнело. В небе ангелы отворили дверцы-звезды и начали за землей присматривать. Тихо стало. Ровно в полночь увидел Антип такую картину: идет полем великан в белом, хватает снопы и разбрасывает. Хотел молитву читать мужик, да голос пропал. Лежит как связанный, ни жив, ни мертв. А великан подошел сзади, обдал страшным холодом и улегся за спиной Антипа. Он обернуться побоялся, а руку-то протянул к великану, схватил за длинный, скользкий, холодный нос. Схватил и давай крутить.

Тут петухи на деревне закричали. Оглянулся Антип - кругом пусто, а в ладони горсть от снопа, мокрая от росы, зажата. Почесал в затылке мужик и побрел по земле, где в каждом темном месте нечистая сила сидела.

Дедушка рассказывал одну сказочную историю за другой, а я все спрашивал. Очень уж хотелось узнать побольше о нашей старине. Антипа, как я потом узнал в Орловском архиве, звали по отчеству Климентовичем. Что с ним стало, никто не расскажет. Вот приеду в родные места, увижу поле за канавой, гору за рекой, церковь и школу - и такое волнение охватит душу: почудится на выгоне тень прапрадеда Антипа или его сына, моего прадеда Максима.

Максим все лето работал, а зимой путешествовал. Наберет в городе товару и повезет продавать. Однажды заночевал на постоялом дворе, а там хозяева совсем другие. Куда подевались прежние, постеснялся спросить. Чует, что дело неладно. Тревожно стало на душе. Еле утра дождался. На том же постоялом дворе обоз купцов ночевал. Утром обоз - за ворота, а Максима хозяйка задержала: то ей булавку продай, то бусы подбери. Максим сел в

телегу и ударил кнутом по лошади. Видит: обоз уже далеко, вот-вот за поворотом скроется. Глянул назад, а за ним уже погоня: хозяин с хозяйкой в телеге едут. "Не уйдешь!" - кричат. Максим лошадь погоняет. Вдруг ремни сбруи лопнули - подрезаны оказались. Соскочил, навязал и опять помчался. Стал кричать, чтоб купцы услышали. Докричался. Обоз остановился. Погоня прекратилась. Потом из города наехали власти с солдатами на постоянный двор. Устроили обыск. В колодце нашли загубленных людей. Там же и прежних хозяев нашли. Увезли душегубов в тюрьму...

Наслушался я рассказов о старине и объявил Дедушке, что когда-то давно он был маленьким, а я стареньким и в поле пахал.

- Помнишь, как ты мне обед приносил? - спросил я.

Дедушка удивился и, смеясь, ответил, что помнит. С радостью принял выдумку внука. А я ничего не придумывал. Я верил, что так и было: когда-то очень давно я шагал за сохой, а он, мой дедушка, приходил ко мне с узелком на пашню и был не седой и лысый, а совсем маленький.

Так что же со мной происходило? Я верил в придуманное? Или ко мне переселилось кое-что из памяти прадедушки Максима? Загадка и только.

А разве не загадка вся наша родословная, растянутая на века и затерянная в них, как в густом, непроглядном тумане?

РОДНАЯ СТАРИНА

Льетса-вьется ручей под раkitами, спешает к Оке. Для того чтобы увидеть гольцов - резвых жителей песчаного дна, чтобы зачерпнуть родниковой воды, надо спуститься с холма по тропинке. На холмах - Альшань. Когда жива была бабушка Авдотья, я любил приходить сюда, любил слушать ее удивительную речь. Говорила она по-своему: не деревья, а древа, не домой, а ко двору, не Одесса, а Одест. Перед сном молилась за всех внуков и правнуков. Вставала чуть свет и хлопотала: то корову доит, то сено ворошит, то картошку в огороде подкапывает. Один раз заболела и двинулась в медпункт.

- Что-то я захворала, - сказала фельдшерице. - Ты бы мне помогла.

Та подала градусник:

- Подержи, бабушка. Взяла градусник и домой.

- Вот, - говорит сыну, - дали мне подержать эту штуку. Видно, от хвори помогает.

Сын рассмеялся:

- Это же казенная вещь. Надо подержать и вернуть.

Испугалась бабушка, что ее на старости лет за воровку сочтут. От испуга даже боль прошла.

Поспешила к фельдшерице:

- Спасибо! Помогла твоя штука.

Больше не болела. Так и дожила до девяноста годов.

- Бабушка, - говорю, - живи до ста!

- Что ты? Господь с тобою. Все мои подружки там, а я тут задержалась.

- Смерти не боишься?

- А чего ее бояться? Это же сон. Не страшно, что каждый день засыпаешь?

- Не страшно, - говорю.

- То-то. Вот и живи себе на здоровье!

Золотая бабушка. Маленькая, худенькая, а правду всем говорит в глаза. За то и провожали ее всем селом в последний путь...

Бабушка Ефросинья, сколько помню, души во мне не чаяла. Бывало, печь топил, хворост в огонь подкладывает и рассказывает одну историю за другой.

- Вот жила, - говорит, - в деревне нашей старушка. Умерла. Все плакали, жалели ее. На третий день стали гроб выносить, а она зашевелилась и поднялась. Народ врассыпную, кто куда. Когда же пришли в себя, стали расспрашивать старушку, что она видела на "том свете".

- Все видела, - отвечает, - все мне показали, даже то место, где мне находиться положено.

- Какое же это место?

- Нельзя говорить. Так и не открылась.

- А еще, - продолжала бабушка Ефросинья, - вот такой случай вышел. Жил странник в лесу. Богу молился. И увидел он однажды птичку красоты небывалой. Захотел ее непременно поймать. Целый час гонялся, да так и не изловил. А пошел в тот же день в деревню соседнюю - никого узнать не может. Деревня переменялась. Что за оказия? Стал старичок людей расспрашивать, откуда они, чьего рода-племени. И узнал: пока за птичкой гонялся, сто лет на земле, как единый час, пролетело. За примерную жизнь он небесного времени удостоился: у нас - век, там - час.

- А теперь я скажу, - вмешалась тетка Федора, бабушкина старшая дочь, великая мастерица воду наговаривать, чтоб целебной была, умеющая травами хворь снимать. - В одной деревне у мужика золотой червонец пропал. Он подался к бабушке-знахарке: так, мол, и так. А с ним еще сынишка был лет семи. Промерз бедняжка. Бабка послала его на печку греться, а мужика - в сенцы, чтоб думать не мешал. Сама же подпол открыла и спрашивает: "Ну, что ты скажешь?" А оттуда, из темноты, голос: "Червонец корова съела, но ты свали на невестку.

Будут ее ругать, доведут до петли - и она станет навечно нашей". Мужик, услышав ответ бабки, насунился, кликнул мальчишку и пошел домой. А сын-то по дороге все обсказал, что с печки услышал. Зарезали корову, а червонец в желудке. Деньги большие. Тут же новую корову купили. И невестку не заподозрили, что она будто деньги украла.

Помолчала тетка Федора и еще одну историю рассказала:

- Жил в деревне колдун. Всю округу в страхе держал. Как свадьба, так зовут старика, на почетное место сажают. Не позовешь - обязательно порчу наведет. Вот собрались в одном доме свадьбу играть, а колдуна не позвали. Призадумались, как быть. А тут забрел к ним старичок-побирушка. Спросил, отчего приуныли. Хозяин и выложил все как есть. А старичок советует: "Завтра, как за невестой ехать, так запряги не лучшую лошадь, а клячу, которую не жалко". Так и сделали. Только лошадь за ворота, как - бац! - растянулась. Откинула копыта и лежит, не дышит. И тут бежит колдун деревенский и бросается грызть конское мясо.

А старичок-побирушка приговаривает: "Сам наготовил, сам и ешь". Взмолился колдун, в ноги к старичку повалился: "Прости! Больше не буду!" "Ну, смотри, - сказал старичок, - на первый раз милую тебя, а в другой раз не жди от меня пощады". С той поры перестал колдун мужиков в страхе держать. Нашлась и на него управа. Дедушка Матвей рассказал, как

Николай и Василий, святые люди, к Богу шли:

- По дороге видят: мужик с телегой застрял в грязи. Никак не может выбраться. "Надо помочь", - сказал Николай. И засучил рукава. Весь испачкался, зато вытащил телегу. А Василий в стороне стоял. Белые свои одежды пожалел. Пришли к Богу, а Он говорит: "Тебе, Николай, за то, что мужика выручил, будут два праздника в году, а тебе, Василий, один".

- Скрипнула дверь. На пороге появилась тетка Матрюща:

- Здорово вам, добрые люди!

Мы хорошо знали, что она больше всего сны любит рассказывать. Маня, ее сестра, жившая с нами, выглянула из-за занавески.

- Пришла? Только сны не рассказывай, пожалуйста.

Тетка Матрюща постояла-постояла и к двери:

- А тогда мне и рассказывать нечего.

- Ладно уж, проходи, - сжалилась бабушка. Присела тетка, с минуту потерпела, а потом:

- Вижу я во сне, будто иду я по лугу...

- А навстречу бык белый-белый, - подсказала Маня.

- А ты откуда знаешь? - удивилась тетка Матрюща. - Я же не с тобой рядом спала. Я за речкой живу.

- А мне твои сны издалека видны. Все засмеялись.

- Будет вам, - не выдержал отец. — Лучше я про русалку расскажу. Стояла на краю деревни избушка, всеми забытая. Тропинка к порогу травой заросла. Заметили люди: по ночам в окне

огонь загорается. Соберутся парни и девки петь-плясать, а увидят свет - всем страшно делается, по домам разбегаются. А один парень не сробел. "Пойду, - говорит, - погляжу". Пошел. Только дверь открыл и обомлел: сидит перед ним девица-красавица и пряжу прядет.

Косы длинные до полу свесились. "Кто ты?" - спросил. "Русалка", - ответила она. И рассказала, что прокляла ее мать еще маленькой. В нехорошую минуту сказала: "Чтоб ты провалилась!" Она и провалилась, в руки к самому сатане попала. То для него пряжу прядет, то веревки вьет из песка, то воду решетом носит. Только одна неделя есть в году, когда русалок на волю отпускают. Сидят они во ржи и хохочут. Ежели парень рядом окажется, поймают, защекочут до смерти. Открыла красавица тайну: власть сатанинская над ней тогда отпадет, когда ее полюбит добрый молодец.

- Что же дальше было? - спрашиваю с нетерпением.

- Свадьба была, - весело отвечает отец. - Эх, жалко, что меня на той свадьбе не было!

- Ты бы песни пел, - напомнила Маня.

- На то и свадьбы, чтобы песни играть, - подал голос дедушка Матвей. Пока разговаривали, он валенки подшил. Да и другие не сидели без дела. Бабушка пряла. Мать чинила мне рубашку. Отец, разложив хворост, корзину плел. Вот он задумался, качнул головой то вправо, то влево и запел:

Эх да лес-дубравушка шумит.

Эх, по этой по дубравушке

Эх да путь-дороженька лежит.

Песню подхватили:

По этой дороженьке

Красная девушка шла.

За этой за девушкой

Молодой солдат вослед.

Одну спели, за другую взялись:

Соловей да с кукушечкой разговаривают:

"Полетим, кукушечка, во мой зелен сад.

Во моем садике молодец гулял..."

Песня печальная. Молодцу надо в солдаты идти. А служба тяжелая: стоят солдатушки в строю, а у них слезы катятся.

Слезы катятся. Домой просятся
К молодой жене, к малым деткам.

Бабушка добавляет:

К юным малолеткам.

- Цыц! - кричит дедушка. - Последней строчки не было. Это ты сама придумала.
- Экая важность - строчку придумала, - ворчит бабушка. - Вон на Покановке Чекулай целую песню сочинил. Откашлялась и запела:

Распроклятая та деревня,
Распроклятое то селенье:
Они день и ночь мало спят.

Друг перед дружкой они торопятся,
Чтобы с поля скорее убраться,
Чтобы дождичек не пошел.

Отец подхватил:

Собирались отец и мать жать,
Посылают и Ванюшу жито жать.
Вышел Ваня на крылечко,
Положил серпок на плечко.

Дальше вот что случилось: Ваня серпом порезал себе руки. Недалеко "сударушка жила", к нему скорешенько прибежала, "уняла его нежную кровь". Помолчали.

- Еще про Машу не пели, - напомнила Маня.

- И то верно, - согласилась бабушка. - Про Машу я пять песен знаю. С какой начнем?
Может, с этой:

Ишла Маша, Маша из лесочка,
Нашла Маша, Маша два веночка
Себе и дружку,
Себе и дружку.
Маша речи говорила,
Ох да говорила ямщику.

Про то говорила, чтобы он не покинул Машу одну в чистом поле. Потом пели "Катюшу", не ту, которую все мы знаем, а другую - старинную.

Сидела Катюша поздно вечером одна,
Вышивала Катюша по тамбуру рукава,
Вышивши, Катюша в терем к батюшке пошла...

Стала дочь просить отца, чтобы он куда-нибудь ее определил. "В монастырь", - решил отец. "В монастырь я не гожусь, - ответила Катюша. - Молодых монашек всех по кельям разгоню".

Что делать? Придется замуж отдать. Посватался один жених - отказала. Другому - тоже отказ. А пришел веселый парень с балалайкой - согласилась.

- А вот эту песню, - сказала бабушка, - меня свекровь Маланья заставила выучить. Потом еще проверяла, чтоб запомнила слово в слово:

Закатилось ясное солнце
За весь темный лес,
За весь темный лес.
Эх, проходила красавица
Да весь белый свет,
Да весь белый свет.
Эх, ковыль-трава шелкова
Стелила мой след,
Стелила мой след...

Песня печальная и долгая, как зимняя дорога. Жалуются в ней добрый молодец на то, что его сударушку повели венчаться с другим. А вот еще один добрый молодец. Это уже из другой песни:

Ехал-ехал я столицей,
Заезжаю в городок.
Там стоит красна девица,
Продает сладкий медок.
Попросил я напиток -
Она пить мне не дает.
Попросил я с ней проститься -
Она ручку подает.

Песня веселая, да конец печальный: девица напомнила молодцу, ч*ч> он, шельма, забыл ее и женился на другой.

- "Утушку" забыли, - напоминает тетка Матрю-ша. - А ну-ка:

Эх, утушка моя луговая,
Эх, утушка моя луговая,
Луговая,
Луговая...

Отец не забыл любимую:

Снежки белы-лопушисты
Принакрыли все поля,
Принакрыли все поля.
Одно поле не накрыто,
Поле батюшки мово.
Среди поля есть кусточек,
Одинешенек стоит...

Долог зимний вечер. Земля, укрытая лопушистыми снегами, крепко спит под частыми и яркими звездами. В конуре у амбара чутко дремлет Рябчик - мой верный косматый друг. На дворе отдыхает на соломе корова. Под крышей притихли воробьи. Куры вместе с петухом сидят на жердочках. Овцы сбились в кучу в самом темном углу двора. К весне появятся бойкие ягнята, весело будет видеть их на лугу с цветными бантиками на боках. Под нарами (бабушка называет их хоры) в хате прилег теленок. Спит себе с белым пятнышком на лбу. Песни и разговоры ему не помеха. А кошка на краю печки не просто спит, а даже музыку свою завела. Только услышать ее можно в полной тишине. Сверчок, когда все разойдутся, голос подаст. А пока широко и вольно гуляют песни по хате. Все уже устали петь, начинают переговариваться, но отцу никак не хочется расставаться с песней. Он запекает еще одну:

Не влюбляйся в черный глаз,
Черный глаз опасный,
А влюбляйся в голубой –
Голубой прекрасный.

- Почему опасный? - спрашиваю.

- Дурной, - строго разъясняет бабушка.

- Чем дурной?

- Тем, что глянет на тебя - и ты захворал. Сглазит!

- Или приворожит, - с улыбкой добавляет отец. И пошли разговоры про то, как в старину привораживали. Вспомнили Амурчиху, лавровскую старушку. Мастерница гадать-привораживать, она славилась на всю округу. Амурчихой прозвали за то, что ее муж на Амуре служил и там запропал. С Фоминки чаще всех к ней ходила Чучуколка. Почему такое

чужое прозвище? Говорят, когда еще маленькой была, то любила петь:

А чу-чу! А чу-чу!
Я горошек молочу
На чужом точку,
На припечочку.

Обернулась песенка прозвищем и приклеилась к человеку на всю жизнь. Прозвища прилипчивы.

В Альшанской школе вышел ученик к доске, а учительница говорит:

- Придумай имя существительное.

Он думал-думал, покачиваясь от напряжения, и брякнул:

- Бревно!

- Что же ты сам качаешься, как бревно? - засмеялась учительница. Так бревном и прозвали.

Прозвище к детям и внукам перешло - стали Бревнушкиными звать.

Чучуколка хорошо помнится. Как-то завернула она однажды в холстину кусок баранины и двинулась через поле в Лаврове. Попросила Амурчиху:

- Помоги, бабушка, приворожить жениха к моей дочке Нюше.

Амурчиха дар приняла, а взамен дала воды наговоренной. Наказала:

- Стань посреди дороги и кричи. С какой стороны прибегут люди, оттуда и сватов жди.

Крикнуть следовало ровно в полночь.

Места себе не находил в тот вечер Тимофей, муж Чучуколки. Пропала жена, да и только.

Стожары горели высоко в небе, когда со стороны большака послышался голос:

- Разбой! Повторился:

- Разбой! И еще:

- Разбой!

Тимофей услышал первым. Первым и побежал на помощь с топором в руке. Еще и мужиков кликнул. Прибежали и видят: стоит на канаве Чучуколка одна. Никто ее не грабит, не грозит смертью.

- Чего орешь? - сердито спросил муж.

- Так нужно, - шепнула она.

Стыдно стало Тимофею перед мужиками. Повернулся и молча зашагал домой. А жена ему вслед:

- Тимоша! Не гневайся. Я все сделала, как Амурчиха велела.

- Ну и что?

- А то, что с Фоминки нам ждать сватов. Поднял Тимофей глаза к Стожарам, и показалось ему, что даже звезды сменяются над ним и его неугомонной женой.

Много раз я слышал эту забавную историю. И до войны, и потом.

Другая история была про Пармена, алыпанско го мужика, моего прапрадеда. Собрался он в город, а жена ему:

- Ты бы горшок купил, а то совсем некуда сметану сливать.

- Ладно, - пообещал Пармен. Сел в сани и поехал.

Дело было зимой. В городе дорогу так накатали, что сани иной раз сами бежали и лошадь по задним ногам подталкивали. На базаре, где торговец горшки расставил, с этими санями вот что приключилось. Катнулись они в сторону торговца, зацепили гору с посудой и...

- Что же ты, лиходей, натворил? — схватился за голову хозяин горшков.

- Не ори, - спокойно посоветовал Пармен.

- Как же не орать, когда ты всю мне посуду перебил своими проклятыми санями?

- Ну и что же, что перебил. Экая беда! - еще спокойнее возразил Пармен. - Лучше ответь, сколько стоят твои горшки.

- Какие? - опешил торговец.

- Какие-какие? Глиняные. Все - битые и небитые. Торговец назвал цену. Пармен отсчитал

деньги, погрузил посуду и повез домой. Вошел в хату:

- Марья, ты просила горшок купить?

- Просила.

- Иди выбирай.

Вышла, увидела гору на санях и ахнула:

- Совсем, дурак, ошалел.

- Не нравится? - спокойно поинтересовался Пармен. Повернул сани к обрыву и все горшки покидал вниз — и битые, и небитые. На Троицын день загулял Пармен на Кнубре. И песни пел, и плясал. Под конец праздника совсем отяжелел, притомился.

- Отвезите меня, - попросил мужиков. - Я заплачу.

- С нашим удовольствием, - ответили хозяева. Запрягли лучшую лошадь в телегу:

- Садись, Пармен!

- В телеге меня и дурак отвезет, - отмахнулся Пармен. - В санях бы!

Делать нечего. Запрягли в сани тройку и повезли. Лошади сильные. Как дернули - только пыль взвилась. Увидел на дороге пыль звонарь Альшанской церкви - в колокол ударил.

Думал: архиерей едет. Влетело ему потом за недогляд. И Пармену влетело. Священник заставил его целую неделю отмаливать грех: по сорок поклонов в день. Все исполнил Пармен. Зато гордился, что в санях летом прокатился. Тем и запомнился людям на сто лет, а может, и больше.

Память причудлива и капризна. Она записывает на своих страницах самые удивительные случаи, подчас самые забавные.

Например, Миколаша, фоминский мужик, запомнился свой аппетитом и храпом. Собирался он в поле, а жена пекла хлеб. Прежде чем жарко натопленную печь наполнить ковригами, она понапекла толстых лепешек-растрепок.

- Поешь, Миколай, - предложила мужу.

Тот съел одну, другую, третью. Так и уговорил девять штук. После этого прилег отдохнуть.

- Отчего же ты в поле не едешь? - спросила жена.

- Что же, без завтрака поеду? - сердито ответил муж.

Съел еще и завтрак.

Тогда и поехал.

Вся наша деревня знала, как Миколаша храпит. Говорили: если в ночном сторожа разбредутся, то Миколашу найти легче легкого - надо только ухо приложить к земле. Откуда гул идет, туда и ступай.

Жил он долго, умирал трудно. Лежал неподвижно и вздыхал. Дочь Настя терпеливо ухаживала за отцом до последнего дня.

Если правда, что в мире ничто не исчезает, то где-нибудь в глубине Вселенной блуждает храп фоминского мужика, который умел работать, умел и плотно поесть. Когда же уставал он, то засыпал на траве, не требуя удобств, как наш древний князь Святослав, и впадал в громкозвучное забытье...

МИШКА И МАШКА

Этот удивительный случай дедушка Матвей от своего отца Максима услышал.

На большой дороге был постоялый двор. Жили в нем хозяин с хозяйкой - хорошие люди. Был у них сынок лет семи. Вот прискакал человек верхом на коне и велит хозяину никого к себе на ночь не пускать: будут к вечеру сам царь с царицей.

Приготовили хозяева лучшие комнаты для важных гостей, выставили на стол закуски и вина, стали поджидать. Вдруг постучался в ворота совсем необычный гость, да не один, а с медведем и медведицей. Запросился переночевать.

- Не могу! - замахал руками хозяин. - Никак не могу! Государь с государыней вот-вот пожалуют.

- Куда же нам в такое позднее время идти? - вздохнул гость. - Пусти хоть во двор, где

скотину держишь. Мои Мишка и Машка - звери смирные.
Сжалился хозяин. Пустил. Велел только сидеть тихо. Поздно вечером прикатили три тройки с важными гостями. Сели гости за стол пировать. Пили, ели, а потом самый главный, что царем себя называл, достал из-за голенища большой нож. Воткнул в стол перед собой и гаркнул во все горло:

- А ну, хозяин, неси деньги сюда на стол, иначе жизни решу.

Хозяин задрожал. Хозяйка в слезы ударилась. Не царь с царицей, а лихие разбойники в дом нагрянули. Целую шапку золота им вынесли - мало.

Еще полшапки - мало. А мальчик тем часом - в сени да во двор. Рассказал все гостю, что с медведями ночевал. Тот поднял мохнатых друзей на ноги и повел в дом, хозяева стояли на коленях перед разбойниками. - Мишка, хватай злодеев! - крикнул медвежий вожак. - Машка, лови душегубов!

Медведь взревел и через стол к самому атаману кинулся. Тот - в окно, только стекла зазвенели. А медведица принялась душить каждого, кто ей в лапы попадался. Еле разбойники ноги унесли...

Уж как благодарили хозяева дорогого гостя и его верных друзей. Не знали, чем и потчевать Михаила Ивановича и Марью Ивановну.

ИГРА

Когда мой дедушка Матвей был маленьким, жилось ему очень трудно. Отец умер. Бедность совсем одолела. Уговорил его один парень:

- Пошли играть в нищих!

- Как это? - спросил Матвей.

- А так. Я притворюсь слепым, а ты при мне поводырем будешь.

- Пошли.

Выбрали дальнюю деревню, где их никто не знал. Весь день ходили по хатам. Люди жалели нищих, надавали им хлеба, лепешек - кто что мог. Матвей пришел домой и похвалился:

- Вот сколько насобирал добра!

- Ах ты негодник! - закричала мать. - Да в нашем роду ни в какие времена нищих не было.

Взяла хворостину и отхлестала сына.

На всю жизнь запомнил он этот урок. Дал себе слово - никогда не попрошайничать. Гордость в себе развивал. В десять лет научился пахать и сеять, в двенадцать - чинить хомуты и всякую другую упряжь. Даже по деревням ходил вместе со старшим братом Афанасием, на хлеб и одежду зарабатывать. В пятнадцать пошел в далекий и славный город Киев, стал отличным пекарем на Крещатике: хозяева наперебой к себе зазывали.

До самой старости шорником в колхозе работал. Да что я говорю: "до самой старости"? До последних дней своей жизни. Редко откладывал в сторону шило, свайку, дратву. Работал и песни пел. Бывало, за что ни возьмется, все играет в его руках.

ЧИБИС

Шли мы лугом в Драгунский лес, а над нами кружился чибис. Кружился и кричал: "Чьи вы? Чьи вы? Чьи вы?" Дедушка Матвей смеялся:

- Он ко мне приставал и тогда, когда я был маленьким.

Я смотрел на дедушку - лысого, бородатого, в синей рубахе с косым воротником - и никак не мог представить его маленьким мальчиком. Потом все-таки представил и спросил:

- А к твоему дедушке, когда он был маленьким, тоже чибис приставал?

- Наверное. Такая уж у этой птицы привычка.

- А у дедушки твоего дедушки тоже был чибис?

- Обязательно был.

Шли мы дальше и все разговаривали. Мне начинало казаться, что над нами - вечный чибис:

всегда он был и всех расспрашивал.

Но вот прошли многие годы. Не стало моего дедушки. Расстался я с деревней. Как-то летом приехал, луг проведать решил. Глянул, а луга нет. Распахали его и овсом засеяли. Стоит овес и сережками звенит до самого Драгунского леса. И никто не окликает меня, не спрашивает, чей я. Нет моего чибиса. А я-то думал, что он вечный. Грустно стало. Перешел я через Оку по тонкому мостику, двинулся по тропинке вдоль берега и увидел клочок луга, не тронутый трактором. Стал рассматривать кочки, одетые травой. И вдруг: "Чи вы? Чи..."

Оказывается, он сюда переселился - дедушкин, прадедушкин, прапрадедушкин чибис.
Вечный, да и только!

КАПИТАНКА

Когда я был совсем маленьким, меня пугали стариком:

- Не шали, а то старик заберет. Не будешь слушаться - старика кликну.

Даже дедушка иной раз пугал, хотя его самого бабушка называла стариком:

- Ты бы, старик, сходил в подвал за картошкой. Сплел бы, старик, пару корзин.

Дедушка не обижался и в свою очередь называл бабушку старухой:

- Свари-ка, старуха, щей из свежей капусты. Как думаешь, старуха, завтра будет дождь?

Бабушка тоже не обижалась. И щи отменные варила, и погоду безошибочно угадывала. Даже умела на весь год угадывать по каким-то приметам на небе.

Хорошие были у меня дедушка с бабушкой.

А отец - лучше всех.

Был он молодой, веселый, песни пел вечерами. И днем на покосе пел. Сказки мне рассказывал. Очень любил я отца и никогда не сердился на него.

А однажды рассердился.

Вот как это случилось.

Купили мне картуз с блестящим козырьком. Кто-то сказал, что это не простой картуз, а капитанка. Такие картузы носят капитаны на кораблях. А мне всегда хотелось быть моряком, чтобы волны шумели вокруг и палуба качалась под ногами, а на пути удивительные острова встречались. Я надел капитанку и сразу стал ближе к синему бурному далекому морю.

Летом, на Троицу, праздник был. Отец надел мою капитанку и пошел к дому Арешкиных, где гармонь играла: очень уж он песни и пляски любил.

Взбежал я на самый верх нашего подвала, поглядел, как отец уходит, а козырек моей капитанки блестит на солнце, и закричал на всю улицу, не выговаривая букву "р":

- Старик! А старик! Отними у него мою капитанку. Долго меня пугали стариком, а тут и он пригодился.

И что же вы думаете? Выручил! Услышал отец и вернулся ко мне:

- Держи свою капитанку!

Потом он всю жизнь вспоминал этот случай. Вспоминал и смеялся.

КОНЬКИ

Мне купили коньки. Блестящие, с загнутыми головками, они так ладно подошли к моим валенкам, аккуратно подшитым дедушкой, что я как встал на них с утра, так и не разлучался с коньками до самого вечера.

Лед на Оке был похож на стекло. Под этим стеклом даже видны были пескари. Но мы с Васьком Прониным на рыб не смотрели. Некогда. Коньки сами уносили нас по реке к Алышани, Покановке и дальше. Вон уже и Кнубрь с горой Лихачевкой в сторону отошел.

Хаты Кузнецовки показались.

- Далеко заехали, - тревожно напомнил мне приятель.

- Верно, - согласился я. - Дальше не поедем, а го в Кромы попадем.

На обратном пути морозный ветер еще крепче хватал нас за уши, обжигал щеки. За

Альшанской церковью догорал закат.

Дома стал я раздеваться, разуваться, а мать:

- Посмотри-ка, что с валенками сотворил. Глянул и обомлел: коньки острыми головками прорезали подошвы. "Вот отчего, - подумал, - они так ладно сидели".

Вздыхнул и полез на печку. Лежал под одеялом слушал сердитый мамин голос:

- Больше не поедешь кататься. Хватит! Наташе коньки валенок не напасешься.

Грустно засыпал. Утром разбудил меня дедушка:

~ Кататься поедешь?

И положил передо мной коньки: головки были подпилены. Теперь они уже не казались такими надежными, как вчера, но зато можно было опять кататься.

СКВОРЦЫ ПРИЛЕТЕЛИ

Груша стояла посреди сада и была выше всех. На это дерево и полез я с деревянным домиком в руках. Влез и укрепил домик на самом толстом суку. Спрыгнул на мягкую землю, усеянную круглыми прошлогодними листьями, и стал ждать скворцов. Вот прилетел один. Сел у самого домика, попрыгал-попрыгал и нырнул в круглую дыру. Потом высунул нос, затем голову, черную, как сажа, и выскользнул, весь такой же черный. Что-то крикнул на своем языке.

Теперь-то я знаю что. Вот что:

- Брр! Не понравился мне твой домишко! Совсем не понравился. Фрр! Полечу-ка я лучше к твоему другу Петьке.

Я стоял под грушей и чувствовал себя самым несчастным человеком на земле.

Воробьи прыгали у ног. Поглядывали острыми, маленькими глазками на меня и что-то говорили на своем языке. Теперь-то я знаю что. Вот что:

- Живи-живи весело! Мы будем жить в твоём домике. Чик-чирик! Чик-чирик!

Порхнули из-под ног. Полетели к домику. Осмотрели со всех сторон. Побывали внутри. Поселились. А там вывели маленькие воробьи крохотных воробейчиков, и совсем в саду стало весело.

Я слушал, как заливаются на всю деревню скворцы в соседнем саду, и считал своего друга Петьку самым счастливым человеком на свете.

СПУТНИК ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Он шагнул в мое детство, да так и остался в памяти. Звали его Милий Балакирев. Был он верным спутником Петра Первого, славного царя-императора, который разбил шведов под Полтавой, основал в России флот, построил город Петербург и много совершил других громких дел, отчего прозвали его Великим. Балакирев был человек умный, изобретательный, веселил Петра своими выдумками, служил у него шутом: была такая государственная должность в ту пору.

Шагнул этот веселый мудрец в мою жизнь из рассказов дедушки Матвея, который любил запоминать все забавное и смешное.

- Вот один раз, - рассказывал дедушка, подшивая валенки, - пришел Балакирев к Петру, а тот сидит за столом и пишет. Ручку макает в чернила, а чашечку с чернилами ученый кот в лапах держит.

Незадолго перед этим у царя был спор с верным шутом, кто сильнее: наука или природа.

- Наука! - кричал император. А у самого аж глаза сверкали.

- Нет, государь-батюшка! - вежливо возражал Балакирев. - Природа сильнее.

- Молчи, невежда, - гневался Петр.

И вот теперь, увидев ученого кота, Балакирев просиял. Быстро вышел из кабинета, где-то долго пропадал, потом вновь появился в царском кабинете.

- Что тебе? - грозно спросил государь.

- Да вот, спор наш пришел завершить, Ваше Величество.

- А, сдаешься! - обрадовался император.

- Никак нет.

- Как "нет"?!
Глаза у Петра еще больше засверкали.

- А так, государь!

И Балакирев кинул мышку на стол.

Глаза у кота засверкали ярче, чем у самого императора. Тут же кинул он чашечку на стол. Покатилась она, разбрызгивая чернила прямо на государевы руки. А кот с добычей в зубах спрыгнул на пол и в темном углу исчез.

- Видишь, Ваше Величество, какое дело, - молвил, торжествуя, Балакирев. - Долго ты учил кота, а природа-то оказалась сильнее.

- Твоя взяла, - вздохнул царь.

В другой раз вот такая история вышла. Один вельможа очень хотел стать министром. И так и этак суетился перед царем, чтобы умным показаться.

Государь задумался.

А Балакирев-то знал, что вельможа умом не шибко развит, даже поговаривали, что и вовсе глуповат. Пошел во дворец верный слуга императора и ну убеждать Петра, что никак нельзя этого вельможу на высокое место сажать.

- Почему? - спросил государь.

- Причина есть уважительная.

- Какая? - Дурак.

- Ну, это мы еще поглядим, - сердито отмахнулся Петр.

Балакиреву грустно стало, что не удалось царя убедить. Решил принять серьезные меры.

Насыпал в лукошко яиц десятка два и явился в приемную комнату.

Там спустил брюки, сел в лукошко и стал ждать. Не цыплят он поджидал, восседая, как наседка, а глупого вельможу.

А тот надел кофтан, шитый золотом, начистил пуговицы и пошел во дворец за высокой должностью. Увидел в приемной комнате Балакирева и сказал повелительно:

- Доложи, что я прибыл.

- Не могу, - ответил Балакирев.

- Как так "не могу", ежели к тебе будущий министр приезжает? Что у тебя за дело?

- Цыплят высиживаю. Отходить никак нельзя.

- А что же делать?

- Садись на мое место, а я доложу.

- Давай.

Вельможа сел в лукошко, предварительно спустив брюки. А Балакирев пошел к царю. Вошел и весело объявил:

- Говорил я Вашему Величеству, что он дурак, а Вы не поверили.

- Ну и что из этого? - нахмурился Петр.

- Ваш будущий министр, государь, - продолжал Балакирев, - в приемной цыплят высиживает.

- Не может быть! - вскричал Петр.

- Извольте сами убедиться.

Выбежал государь в приемную, увидел вельможу и спросил грозно:

- Чем занят?

- Цыплят высиживаю Вашей милости.

- И в самом деле дурак! - воскликнул Петр Первый, великий государь.

Глупый вельможа был забыт. Балакирева поблагодарил и даже спросил:

- Чем бы тебя наградить за такой находчивый ум? Верный шут государев думал-думал и придумал:

- Назначьте меня начальником над мухами.

- Над какими мухами? - удивился император. - Что еще за ерунда такая?

- Никакая не ерунда, государь, а нужное дело.

- Ну, раз нужное...

- Так и напишите, что я, такой-то подданный Вашего Величества, с сегодня начальник над всеми мухами Российской империи, волен их казнить и миловать.

- Изволь.

Получил Балакирев на руки нужную бумагу с печатью и подписью, поклонился низко за доверие и отправился править службу свою, где замечалось большое скопление его подданных. Первым делом двинулся во дворец, где пировали вельможи царские. А один, самый гордый из них, простых людей за людей не считал: мог оскорбить и даже ударить. Он и шута царского унижал, как мог. Вот Балакирев и решил его проучить. Подошел с плеткой в руке да как врезал через лысину. Тот взвыл, на ноги вскочил. Готов был на части разорвать нахала. А Балакирев кричал:

- Как ты смела, негодная, садиться на такого господина!

И тут же всем пояснил, что наказывает муху, что имеет на это документ.

Проверили, так оно и есть. Перестал вельможа унижать царского шута. Спеси поубавилось в нем.

Как-то раз сказала Балакиреву государыня-царица Екатерина, супруга Петра:

- Пусть твоя жена зайдет ко мне. А мы с ней побеседуем.

С дамами не принято шутить. Но Балакирев не удержался.

- Ваше Величество, - заявил он. - Моя жена совсем оглохла.

- Не важно, - улыбнулась Екатерина. - Докричусь. Пусть приходит.

Дома Балакирев объявил жене:

- Сходи к государыне. Поговори. Но знай, у нее уши болят. Почти не слышит.

- Не важно, - сказала Балакирева. - Докричусь. Пришла во дворец, увидела царицу и ну кричать

во все горло:

- Здравствуй, матушка государыня!

- Здравствуй, милая! - еще громче ответила Екатерина. Петр с Балакиревым в это время находились в соседней комнате.

- Что за крики? - спросил царь.

- Это наши жены разговаривают, - засмеялся Балакирев.

Петр подошел к своей:

- Ты чего раскричалась?

- А как быть, ежели она глуха, как пень.

- Ничего подобного, сударыня, - подала тут же голос жена Балакирева. - Я-то слышу отменно. Не то, что Вы...

- Все ясно, - улыбнулась Екатерина. - Над нами пошутили.

Царица сияла, а ее собеседница лицом потемнела. Пришла домой и устроила мужу разнос.

На другой день подумала и еще добавила. Не пощадила и в третий раз...

Пришел Балакирев во дворец хмурый. Царь спросил, что с ним случилось. Даже пошутил:

- Может, тоже уши заболели?

- Не уши, государь, а зубы. Да не у меня, а у супруги моей несчастной. Трое суток мается, ночами не спит.

- Ай, беда какая! - посочувствовал император. - И тут же предложил:

- Приводи - мигом вылечу.

Зубную боль снимать Петр Алексеевич очень любил. Причем делал это с превеликим удовольствием. Это во дворце все знали.

Дома Балакирев прямо с порога сообщил жене важную новость: ее желает видеть государь.

Та засобиралась. Муж привел ее прямо в кабинет, где царь расхаживал и потирал руки в нетерпении, спешил показать свое врачебное искусство.

- Ко мне, сударыня! - крикнула весело, приглашая в кресло. Села.

- Откройте рот.

- Зачем? - удивилась женщина.

- Сейчас узнаешь, - торопливо молвил Петр и еще торопливее спросил:

- Какой зуб болит?

Она хотела сказать, что никакой, но муж опередил: показал на первый, что попал на глаза. Петр крякнул и вцепился, как клещами. Рванул... Бедняжка вскрикнула и бросилась к двери, закрыв рот ладонью.

Петр ликовал, держа в руке здоровехонький зуб.

А его пациентка больше никогда не пилила мужа.

Балакирев оставался самим собой. Продолжал шутки шутить, да не все, видно, были по душе императору. Разгневался как-то Петр Алексеевич до такой степени, что велел Балакиреву убираться с глаз подобра-поздорову. Даже запретил появляться на русской земле.

Шут уехал. Доложили царю, что видели Балакирева у шведской границы.

- Туда ему и дорога! - махнул рукой государь. И вот однажды сидел Петр Первый за бумагами, оторвался от них и бросил взгляд в окно. А там, на дороге - телега. В телеге сидит Балакирев.

Царь велел остановиться. Подошел и крикнул, пылая гневом:

- Почему нарушил мой приказ?

- Какой приказ?

- Я же велел тебе никогда не появляться на моей земле?!

- Велел.

- А ты?!

Я сижу на своей земле.

- На какой такой своей?! - бушевал император.

- Извольте взглянуть.

И подал Балакирев документ на право владения землей, приобретенной им в Швеции.

- Вот так-то, государь, - пояснил Балакирев... - Напрасен гнев. Я сижу на собственной земле.

- И хлопал ладонью по мешку.

- Ай-да молодец! - вскричал государь. - Слезай с мешка скорее. Дай тебя обниму, дорогой человек.

У Балакирева было имя Милий, а по-нашему, деревенскому, Милай. Каждый раз, когда с горы бурными потоками устремятся к Оке вешние воды, то громче всех шумит-гремит Милаев ров, будто рассказывает тоже о своей старине далекой.

ЦАРЬ-ОСВОБОДИТЕЛЬ

Александр Второй отменил крепостное право. Народ прозвал его царем-освободителем.

Враги императора решили его убить. Нашли мастера и велели ему сделать государю в подарок большое кресло с пухлыми боками. Тот изготовил. Сам же и привез во дворец свою работу.

Александру Второму подарок понравился.

- Можете садиться, Ваше Величество, - сказал мастер.

- Благодарю покорно! - весело молвил император и приготовился садиться.

Но тут что-то случилось с мастером. По лицу его пробежал испуг, губы задрожали.

- Не садитесь! - вскричал.

- Почему? - удивился император. - Кресла для того и делают, чтобы люди на них сидели.

Нет уж, сударь! Сяду, обязательно сяду.

- Не спешите, Ваше Величество, - взмолился мастер. - Лучше киньте в кресло тяжелый предмет человеческого веса.

- Ну-ну, - молвил задумчиво Александр и тут же отошел в сторону.

Нашли гирию чугунную человеческого веса и кинули.

Кинули и ахнули: с двух сторон из пышных подлокотников вылетели длинные, как змеи,

ножи. Вынырнули и сомкнулись на том месте, где должен быть сидеть человек. Стало тихо-тихо. Царь вытер пот со лба...

Люди, готовившие расправу, узнав, скрипели зубами от ярости. Решили своими руками управиться. Затеяли какое-то заседание важное. Пригласили царя. Он явился и сразу как в капкан залетел.

- Уходи с престола, иначе голова с плеч! - закричали. Узнал про это Николай Николаевич, великий князь, схватил пашку, сел на коня и поскакал. Прискакал ко дворцу, где заседали, ворвался в зал и увидел брата на коленях.

- Перед кем стоишь? - крикнул громче грома. - Неужто забыл, что монарх становится на колени только перед Господом Богом?

И ну рубить головы коварным заговорщикам...

Еще одно предание.

Александр Второй любил читать. Приучил знаменитый писатель В.А. Жуковский, будучи наставником царским. Особенно любил государь книги, где было много природы и картин из жизни народной.

Именно такую и написал Иван Сергеевич Тургенев - наш земляк, уроженец Орла. Прочитал император его "Записки охотника" и так растрогался, что прослезился.

- Что с тобой? - спросили близкие.

- Народ жалко, - вздохнул царь. - Такие крестьяне умные, трудолюбивые, добрые, а до сих пор в неволе маются. Надо им волю дать на веки вечные.

Так и сделал.

Хорошо, когда человек слово держит. Такое не забывается.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ

Великий князь Михаил Александрович Романов, младший брат Николая Второго, последнего царя, жил в Орле: квартиру снимал в самом конце улицы Борисоглебской, а служебный кабинет имел в доме на Московской. Между нынешним заводом "Текмаш" и вокзалом была казарма Черниговского гусарского полка, которым командовал М.А. Романов. Напротив церковь была, где гусары молились. Михаил Романов был богатырского роста, мог руками подковы гнуть. Отличался большой скромностью и добротой.

Увидел однажды зимой женщину, везущую в гору санки с тяжелым грузом (кадка с водой), быстро подошел:

- Вам помочь, сударыня?

Та растерялась. У великого князя было власти больше, чем у губернатора. Не успела ответить, как царский брат выхватил у нее веревку и повез.

Слух о том, как великий князь попал в водовозы, мгновенно облетел город. Романова любили, встречали с музыкой и цветами. В один из приездов он вышел из вагона, где его не ждали, пересел в трамвай и укатил, как самый обыкновенный житель города. По золотой монете получили от него кондуктор и вагоновожатый...

Узнал князь, что в полицейском участке задержанных бьют, взял и нарядился нищим бродягой. Да еще пьяным притворился. Его и замели стражи порядка.

Доставили в участок и ну колотить. Сбросил князь грязную одежду и предстал в блестящем мундире при всех орденах.

- Полицейские чины, - рассказывал дедушка Матвей, - прямо в ноги попадали, взялись прощения просить. Михаил Александрович строго отчитал их...

Любил князь конные прогулки до Орлика и далее - до Царева Брода. Следом ехал его секретарь. Царев Брод - историческое место. Там при царе Михаиле в 1615 г. битва была у князя Дмитрия Пожарского с поляками. Русские заставили пана Лисовского бежать со своими "лисовчиками".

Когда Россия праздновала в 1913 году 300-летие Дома Романовых на престоле, то Михаил Александрович вышел к гостям в костюме, как у своего далекого предка.

- Он был Михаил Романов, я тоже Михаил Романов, - объявил весело.

В 1914 году отправился воевать с немцами. Дивизией командовал.

За храбрость и полководческое умение был награжден орденом. В 1918 году погиб на Урале.

В народе орловском жила вера, что жив. Помню из разговора моей бабушки с другой бабушкой:

- Едет Михаил Романов на белом коне, едет новый государь. Закрытые храмы откроет православным людям.

В наши дни Русская Православная Церковь причислила его, почетного гражданина Орла, к лику святых.

КЛЯТВА ЮНОСТИ

Александр Васильевич Горбатов родился и вырос в глуши деревенской, в Ивановской губернии, в самой бедной семье, где хлеба едва хватало до Нового года. Пошел в город, нанялся работать, учебу пришлось бросить. Вот тогда-то и дал он свою знаменитую клятву:

- Не пить, не курить и не ругаться!

Клятву сдержал, хотя прожил долгую и трудную жизнь. При царе был гусаром в Орле, служил под командой Михаила Романова, великого князя. Приходилось перед ним петь, выступая в гусарском хоре. Случилась война. Храбрый гусар отличился в боях, за то и получил два Георгиевских креста. В советские годы командовал полком, бригадой, дивизией и вдруг был невинно осужден, как "враг народа", попал на Колыму. Едва не погиб там, в краях северных. Потом его оправдали, дали ему дивизию, а там и генеральский чин. От Сталинграда до Берлина дошел. Армией командовал в сорок третьем, когда освобождал нашу Орловщину. На его руках погиб под Орлом генерал Гуртьев. В освобожденном городе навестил казарму гусарской молодости: она лежала в развалинах, догорала...

Стал Героем Советского Союза, кавалером двух орденов Суворова и двух - Кутузова и многих других наград. Был командантом Берлина.

На войне был храбрым и осмотрительным. Даже Сталина не боялся, мог переубедить.

Высоко ценили полководческий талант Горбатова.

Любил он солдата, как Суворов. Любил и берег.

Однажды в Орле у памятника А.В. Горбатову горожане увидели седого ветерана. Он стоял, обнажив голову, и плакал.

Объяснил:

- Хороший человек! Умел беречь нашего брата-солдата. Зря в огонь не посылал.

В 1966 году герой-генерал приезжал в Орел на 400-летие города. На торжественном собрании на главном стадионе говорил не по бумажке, а глядя в народ. Помню, выступил ярче всех.

Побывал гостем в 17-й школе. Выступая, вспомнил клятву юности, с гордостью говорил, что сдержал ее. Только раз, в День Победы, выпил бокал красного вина. И все! Призывал слушаться родителей и учителей, душевно говорил о своей матери, выросшей десятилетиями детей.

Покидая Орел, генерал пригласил ребят в Москву. Группа туристов побывала. Чай разливала Нина Александровна - милая русская женщина. За большим столом был долгий разговор о мужестве и чести, о верности высоким идеалам юности...

Спустя годы автору этих строк довелось побывать там же, пить чай за тем же столом. Самого Александра Васильевича уже не было в живых. К 80-летию ему подарили бюст А.В.

Суворова. Односельчане видели много сходства у двух полководцев разных эпох.

- Такой же непредсказуемый, - улынулась гостеприимная хозяйка. Она и на войне была его спутницей верной. Это она уговорила мужа написать воспоминания. Он подумал-подумал и взялся за карандаш. Сто карандашей исписал. Сам же отнес рукопись в редакцию журнала

"Новый мир."

Редактор журнала, великий русский поэт Александр Твардовский, автор знаменитой поэмы о

войне "Василий Теркин", с радостью принял рукопись генерала. Напечатал в журнале, а потом вышла и книга под названием "Годы и войны".

"Я горжусь, - писал автор, - что родился на русской земле, что меня родила русская мать. Вспоминая прошлое, я думаю о будущем. Без прошлого нет памяти, без памяти нет Родины".

А вот что говорил А.В. Горбатов в Орле в 17-й школе в сентябре 1970 года: "Мать для человека - самое дорогое, самое светлое. Как противно слушать, когда пьяный и даже трезвый упоминает слово "мать" в брани. Хорошо, если бы каждый из вас дал обещание самому себе не употреблять слово "мать" в бранном слове и постарался его выполнить... Еще в детстве я дал себе зарок: "Никогда, никогда я не буду пить, не буду ругаться и курить". Эта мальчишеская клятва сыграла большую роль в дальнейшей жизни".

МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ

ПОЭМА (ОТРЫВОК)

Стояла осень золотая,
Летели птицы над Окой,
Я в школу шёл,
Стихи читая.
В стихах торжественный покой:
"Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сёл, градов ограда,
Сколь ты полезна и красна!"
Даль восемнадцатого века
Блистала в пламенной строке.
Читал и видел человека
В камзоле, в пышном парике.
Поэт Михайло Ломоносов,
Крестьянский сын из Холмогор,
Один из самых мудрых россов,
Явился мне,
Как Святогор.
Полями рядом,
Лугом рядом
Он шёл и славил тишину...
Ловил я строки жадным взглядом
И погружался в старину.
Я слышал радостные клики,
Я видел взлёт большой судьбы
В той старине,
Где Пётр Великий
Россию поднял на дыбы.
Великая Елизавета,
Чей "зрак прекраснее рая",
В шелка одета-разодета,
Катила в южные края.
Была в Орле,
Спешила в Кромы
В душистом облаке волос.
Она слыхала наши громы,
Внимала звону наших кос...
К труду тянулись наши руки,
Нам близок был зов мирных лет:

"Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свет!"
Узрел поэт однажды ночью
Сиянье Севера вдали,
И огневые узорочья
Ему всю душу обожгли.
Как будто книга золотая,
Как будто новая страна.
Воскликнул он,
Её читая:
"Открылась бездны звёзд волна!"
Величье Божие открылось,
Восторг на сердце сотворя.
Строка играла и светилась:
"С полночных стран встаёт заря".
Для юга.
Запада,
Востока
Тот свет в созвездиях расцвел
И стал провиденьем Пророка,
Что там - Божественный Престол.

2

Качает волны русский Север –
Шумит, волнуется вода.
По небесам, лучи рассеяв,
Горит Полярная звезда.
Зимой играющие воды
Обращены в холодный лёд.
Звезда
Царицею природы
В холодных сумерках цветёт.
Метель гуляет побережьем,
Встают сугробами снега...
Поморы край свой любят нежно,
Хоть ночь полярная долга.
Мерцают звёзды -
Божьи свечи,
Глядят лучисто в каждый дом.
У русской печи льются речи,
Воспоминанья о былом.
Минувших лет встают буруны
О том, как наши корабли
Явились первыми на Грумант,
В Аляску первыми пришли.
За разговором - разговоры,
И в каждом - блеск былых побед.
Петру Великому поморы
Опорой стали с первых лет.
Их не пугал суровый берег
И буйных бурь девятый вал.
Их брал с собою Витус Беринг,
Казак Дежнёв с собою брал.
О русский Север,
Север русский
С волной лазурно-голубой!

Любые снимет перегрузки
Своей былиною любой.

Преданья русские чудесны
Из глубины далёких дней
О высоте ли поднебесной,
О глубине ли синь-морей,
Как неразгаданное чудо,
Как русской юности весна,
Гиперборейская отсюда
Берёт начало старина.
Поёт прибой,
И в ровном гуле
Легенда голос подаёт:
Земля загадочная Туле
В народной памяти живёт.
Твердит сказитель с бодрым видом
На радость взрослых и детей,
Что было время Атлантиды,
Пора летучих кораблей...
Давным-давно мы жили-были,
Сады шумели над водой,
Мы землю Русскую любили
Под самой яркою звездой,
Цвели луга под этим светом
Из года в год,
Из века в век...
Родился там и стал поэтом
Михайле - русский человек.

3

Отцовский дом из толстых брёвен,
В окне - лиловая слюда,
Для жизни долгой был построен
В те стародавние года.
Надёжно в памяти остался,
Перешагнув за веком век...
Там был рождён,
Там пел, смеялся,
Рыбацким делом занимался
Он - самый русский человек.
Под грозowymi небесами
Года тяжёлые прошли.
Двина, белея парусами,
Послала к морю корабли.
Вздыхали пенные громады.
Простор безбрежен и глубок,
В лугах разгуливало стадо
И, заливаясь, пел рожок.
Михаиле знал поля, овраги,
В озёрах плавал за селом,
Изобразить мог на бумаге
Спустя года
Родимый дом.
Михаиле в радости и в горе
Служил опорой отцу,

И волны северного моря
Летели встреч его лицу.
Учил родитель ставить снасти
И править парусом тугим,
Быть верным, сдерживая страсти,
Заветам предков дорогим.
Кружили чайки, громко плача,
Кипели пенные холмы.
Отец: "В морях ищи удачу!
Поморы мы! На море мы!"
Треску ловили и тюленя,
Ходили дружно на моржа.
Носились люди там, как тени:
Клыки моржа
Острой ножа.
Отвагу, мужество ковали,
Как на войне, без лишних слов.
И на Шпицберген заплывали,
Дивили шведских моряков...
Зимой дремали на приколе
Рыболовецкие суда.
Зимой учиться надо в школе.
Но где учиться?
Вот беда!
Метель кружила у порога,
Мороз трещал со всех сторон...
Сосед Иван учил немного,
Потом учил дьячок Семен.
Учился юноша без лени,
Мог письма вскорости строчить.
Наставник рухнул на колени:
"Всё! Больше нечему учить!"
Пошёл Михаиле к Христофору,
Увидел книги,
Целых три...
Не прочь помочь помор помору:
"Читать умеешь?"
На! Смотри!"
Отец ходил, не зная страха,
На "Чайке" быстрой в Соловки,
Где жили строгие монахи,
Старинной верою крепки.
Шагать к наукам - путь неблизкий,
Душа восторгом залита:
Средь книг - Смотрицкий и Магницкий,
В учёность первые врата.
Псалтырь в рассказе стихотворном
Читать во храме не пустяк...
И буквы сыпались, как зёрна,
Из зёрен вышел тучный злак.
И где б теперь Михаиле ни был:
В полях, в дубравах, на морях,
Он ровно слышал голос Неба –
В нём укрепился Божий Страх.
Мечтал, псалмы читая в храме,
Людские трогая сердца,
Наполнить добрыми делами

Всю жизнь
До смертного конца.
Смотрел он долгими часами,
Как волны двигались везде.
Стоял, любуясь облаками,
Их отражением в воде.
В игру лучей и в блеск лазури
Влюбился страстно, как поэт.
Любил он свист и грохот бури,
Летучих молний резкий свет.
Холмов кипенье белогрудых,
Разлив вселенской красоты...
Всё изначальное оттуда:
Отвага, воля и мечты.

4

Отец не стар ещё годами,
Без дела дома не сидел.
На рыбных промыслах с китами
Сраженья шумные имел.
Помор воспитывал помора,
Учил держаться на волне.
В Архангельск-город брал к родне.
Отцовы руки на штурвале,
А чайки с криками вдали...
В большое море заплывали
С Вавчугской верфи корабли.
В той верфи видел наковальню.
От старожила услышал:
"Давно, а кажется, недавно
Тут царь наш
Молотом махал.
Был Государь в немалой силе,
Умел часами бить да бить.
Два судна на воду пустили,
Велел два клёна посадить".
Отец за многими делами
Любил рассказывать, как встарь
В баржу, набитую горшками,
Упал с подмостков государь.
Сумел по-царски расплатиться
Он за побитые горшки.
Умчались годы те, как птицы,
Но как же в памяти близки!
Мать умерла!
Рыдал мальчишка.
Зарубки в сердце залегли,
Спасибо книжкам, милым книжкам!
Они тогда его спасли.
Над морем птиц кружила стая.
Темнела неба синева.
Читал псалмы, вздыхал, читая,
Искал целебные слова...
"Москвою душу просветить бы!"
В мечту большую сердцем врос.
Отец лечил себя женитьбой,

Хозяйку новую привёз.
"Крепись, - твердил, - не будь как тесто.
Пора дела раздвинуть вширь.
Там приискал тебе невесту,
Готовься к свадьбе, богатырь".
В окне снежинки серебрятся,
В полях - покой и тишина.
Вздохнула мачеха:
"Признаться,
И мне помощница нужна".
Стоял у дома как-то рано.
Тоска клещами сжала грудь:
Увидел выезд каравана
В далёкий путь, торговый путь.
Они вернутся, знал, не скоро:
В пути мороз грозней грозы,
В Москву направили поморы
Свои скрипучие возы.
Смотрел Михайло Ломоносов,
Угрюмо стоя у крыльца.
Продумал он вопрос вопросов
С того и с этого конца.
Средь ночи вышел и - в дорогу,
С котомкой, с палкою в руке,
На третьи сутки - слава Богу -
Обоз увидел вдалеке.
Просил с собою взять - не брали:
"Сидел бы дома, егоза!"
Но про ученье услышали,
И стали тёплыми глаза.
В Москве он смело
Путь свой начал:
Не подвела к наукам страсть.
К тому же Дутиков - подьячий -
Не дал тогда ему пропасть.
Привёл к ограде монастырской:
"Смотри, какая красота.
Славяно-Греческо-Латинской
Тут Академии врата".
Вошёл Михаиле Ломоносов,
Теряя смелость и покой:
Предстали трудные вопросы:
"Откуда родом? Кто такой?"

Не врал он словом ни единым,
Но тут - особые дела:
Пришлось назваться дворянином,
Ложь во спасение спасла.
Весь задрожал,
Увидев книжки,
Засел учиться в двадцать лет.
Смеялись дружно ребяташки,
Как он обут
И как одет...

Жизнь - улетающая птица.
В ней дорог сердцу каждый звук.
Решил: учиться так учиться,

Старался в каждой из наук.
Властям затрат он малых стоил,
Неутомимый рыцарь книг:
За три копейки в день освоил
Латынь, философов постиг.
 Как по ступенькам,
 По страницам
Пошёл к обдуманной мечте,
Над головой парили птицы
И пели гимны красоте.
Он выбрал путь себе неблизкий
На свет пленительных лучей,
Библиотеки монастырской
Неутомимый книгочей.
Душа его была на взлёте,
Во власти чудных перемен...
Платон, Вергилий, Аристотель,
Гомер, Гораций, Демосфен,
Плутарх, Дамаскин и Сенека,
 И Фукдид, и Ювенал -
 Все возвышали человека,
 Вели его от века к веку,
 И он покоя не знавал.
Стоял с молитвою во храме,
 Была душа озарена.
Руси былинными годами
Заворожила старина.
 Но как-то раз,
 Во дни ученья,
Вдруг книга выпала из рук,
Пришли "пресильные стремленья"
 И отлучили от наук.
 Был молодой,
 И были страсти,
 А там, где страсти,
 Жди беду.
И стал под грузом той напасти
 Подобен мухе на меду.
Себя почувствовал ужасно,
В стихах покаялся, как мог.
 Прочёл творенье и:
 "Прекрасно!" -
 Отметил чуткий педагог.
И вновь Михаиле энергично,
Трудясь с утра и до темна,
Учился только на "отлично",
 Жил, обгоняя времена.
Узрел за книжными горами
Всей жизни новый поворот...
Стою, гляжу из-под руки я
На всё, что он увидеть мог.
 Через места мои на Киев
 Вела дороженька дорог.
Михайло был в Орле и Мценске,
На Курск бежал его возок:
Всю ширь просторов деревенских
 Нетерпеливо пересёк.

В лугах позванивали косы,
Сверкали росы на заре,
Пил чай Михайло Ломоносов
В избе почтовой на Кнубре.
В Дмитровске парку Кантемира
Отдал положенный поклон.
Дороже всех сокровищ мира
 Лежала Русь
 Со всех сторон.
 Науки для,
 Не ради славы,
 Мечты во имя дорогой
Приехал в Киев златоглавый,
К истокам древности седой.

6

Старинный град в красе и силе –
 Дворцы высокие, сады –
 Соединения с Россией
 Ему показывал плоды.
Был град в дыму во дни Батыея,
 Поляков вынес, как чуму.
 Сияли главы золотые,
 Не подчиняясь никому.
 Как будто солнце из тумана
 /Труба победная, играй!/
Пришло Хмельницкого Богдана
 Казачье войско
 В древний край.
 Что может быть светлее доли,
Чем жить, сойдясь в одну семью?!
 Нашёл Михаиле на Подоле
 Здесь Академию свою.
 Давно ль
 Горою чёрной пепла
 Пугал прохожего пустырь?
 Духовность заново окрепла,
 И вырос Братский монастырь.
Любил бродить Михаиле ночью,
 Когда в Днепре играет свет...
Искал причал наукам точным
 И вдруг узнал:
 А их тут нет.
От вести этой - в горле горечь.
 Сперва не понял ничего.
 Но Феофан свет Прокопович
 Мгновенно вылечил его.
 Речь о Петре Великом сразу
 Повёл, - и понял наш поэт:
 Сюда поездкой не наказан,
 А награждён во цвете лет.
Был строг святитель на огрехи,
 Но тут глаза его цвели.
 Сказал:
 "Отменные успехи
 Твои до Киева дошли".

Сказал тепло и откровенно,
Приняв как сына своего:
"Я - твой защитник неизменный,
Живи, не бойся никого.
Звонят пусть в колокол соборный,
Пусть самозванцем назовут.
Знай, что земля твоя просторна,
Везде найдёшь себе приют".
 Год на Днепре
 Был добрым годом -
 Прочёл он книгу не одну:
Под монастырским белым сводом
 Открыл родную старину.
Читал Синопсис знаменитый,
 Где древность руссов,
 Даль славян.
 В окошке цокали копыта,
 А тут - событий океан.
Он обошёл пещеры Лавры
И там черпал познаний свет:
Гремели трубы и литавры,
Колокола былинных лет.
Не вышел в свет ещё Татищев
И не родился Карамзин.
Михаиле Русь свою отыщет
Средь исторических руин...
 В Москве
 Из северной столицы
 Бумагу ректор получил.
"В Санкт-Петербург пошлём учиться
Достойных самых!" - объявил.
Михаиле встал, как бравый воин,
Обжёг кострами жарких глаз:
 "Меня пошлите!
 Я достоин!
Готов в дорогу хоть сейчас".
Был темен лик отца Стефана:
"Ты, сударь мой, Из мужиков.
Тебе в столицу ехать рано".
И вдруг, как ангел с облаков,
Сам Феофан к нему неожиданно
Явился выправить судьбу.
Открыл дорогу в мир желанный
Святитель Божьему рабу.
Напомнил киевские встречи,
Напомнил речи о Петре...
И богатырь, расправив плечи,
Уехал в Питер на заре.

7

И вот он - в северной столице.
Нева напомнила Двину:
Бежит, на солнце серебрится,
Купает в сумерках луну.
Дворцы нарядные, соборы,
Сады и парки,

Острова.

И облака плывут, как горы,

И о Петре гремит молва...
В простор науки и культуры
Дверь распахнулась широка.
Учил Василий Ададулов
Его основам языка.

А Крафт на лекциях, как птица
Парил, наукой одержим.
Анна Ивановна - царица -
Благоговела перед ним.
Был химик он и математик.
Михаиле слушал - ликовал,
Он, как на золоте старатель,
За тайной тайну открывал.
Неутомимый и упрямый,
Ловил он сердцем
Каждый звук.

И вышел в тройку самых-самых
Для продолжения наук.
Ура! Он едет за границу,
Крестьянский сын из Холмогор.
Решил: учиться так учиться,
Во весь размах,
На весь напор.

Готов в стихах воспеть Россию.
В трудах не есть, не спать готов.
От Тредьяковского Василья
Купил трактат
О тайне слов.

Перешагнув угрозы шторма,
Поплыл в Кронштадт и за Кронштадт...
Встал перед ним вершиной горной
В конце пути германский град.
Стал Марбург городом желанным
В те незабвенные года.
Сияла Вольфа Христиана
Там лучезарная звезда.
Студенты - шумный и весёлый
Народ, остряк на остряке:
Гуляют в бархатных камзолах,
С косою толстой в парике.
Михаиле вскоре стал примерным.
Писал не даром Христиан:
"Любил учение безмерно,
К наукам дар великий дан.
Коль будет впредь с таким раченьем
Шагать упорно на восход,
То заграничное ученье
Большую пользу принесёт".
И впрямь, три года не пропали,
А в душу крепко залегли.
В полях - уборка урожая,
А тут - дорога далека...
Сидел фореитор, оглашая
Окрестность звуками рожка.

Конями кучер ловко правил.
А нагл герой главой поник.
Он сердце в Марбурге оставил,
Перед глазами - милый лик.
Ученьем душу он возвысил.
Но как же горек был отъезд!
Наобещал ей сотни писем
Из ближних мест
И дальних мест...
Во граде Фрейбурге науки
Иных мастей,
Иных пород.
Тут металлические звуки
Повсюду слушает народ.
Чуть свет шагают рудокопы
В сопровождении детей.
Наверное, по всей Европе
Нет разнесчастнее людей.
Суровы темные карьеры.
Мальчишки трут во тьме сырой
Руду, насыщенную серой
И ядовитую сурьмой.
Тут каждый кашлем обеспечен
И болью лёгких с юных лет.
"Здоровье тратят, жизнь калечат"
Писал печально наш поэт.
Толпу большую он увидел,
Наружу вышли стар и мал.
Король катил,
В карете сидя,
Народ же гневом закипал.
Карета далее катила,
Забот не сдвинулась гора...
Старик вослед смотрел уныло
И вспоминал царя Петра.
Ста королей
Он в мире стоил,
Дела великие верша:
Он дело горное освоил
И на прощанье пир устроил:
Что значит русская душа!
Суров и горд профессор Генкель,
Глазами холоден, как лёд.
Живёт, с наук срывая пенки,
Михаиле хода не даёт.
Как никогда, живётся туго.
Санкт-Петербург на деньги скуп.
Нет ни товарища,
Ни друга,
Сходить за гульденом к кому б.
Простой едой не обеспечен.
Терзает голод по ночам.
А как устал от чуждой речи!
Как по Отечеству скучал!
Печаль о Родине как рана,
И вдруг - победный зов трубы:
Мы взяли крепость на Балканах

Святым велением судьбы.
Узрели турки исполином
Солдата русского в бою...
Земли родной достойным сыном
Михаиле был в чужом краю.
Читал из Дрездена газету –
Цвела душа, кипела кровь.
Звала на подвиг новость эта,
Крепила к Родине любовь!
Глазами сердца видел Хотин,
Где русский штык врага смирил,
И ода первая в полёте:
"Восторг внезапный ум пленил...
Победа,
Русская победа!
Шумит ручьями бор и дол.
Бойтся собственного следа
Наш враг, что от меча ушёл".
О, как Россия-мать желанна!
Как весел вид её лугов!
Петра и Грозного Ивана
Взирали тени с облаков...
В Санкт-Петербург отправил оду
Михаиле с почтой корабля,
Ещё стихов такого рода
Не знала Русская земля.
Сам Корф бесценные страницы
Прочёл с восторгом раз и два
И показал императрице, Сказав:
"Какая голова!
Герои наши взяли Хотин,
Поэт же славу им поёт.
У Кантемира не найдёте
И у других подобных од".
Чутье - вернейшая цензура
В горячей области стиха.
Признал умнейший Ададуров,
Что ода очень неплоха.
Сказала строгая царица:
"Он Тредьяковского сильней!"
Придворных пасмурные лица
Мгновенно сделались светлей.
Царица Анна все болела,
Просила часто пить да пить,
Поэта-автора велела
Не потерять,
Не позабыть.
Она ушла в иные дали,
А наши горе-чудаки
Ему ни слова не сказали,
Не написали ни строки...
Жизнь - улетающая птица.
В ней дорог сердцу каждый звук.
Велела молодцу жениться
Любовь - наука из наук.
Обрёл немалое значенье
Град Марбург в жизни молодой,

Венчаньем кончилось ученье
Перед иконою святой.
Ковры лугов стелило лето,
Бродили сытые стада.
И стала Цильх Елизавета
Вдруг Ломоносовой тогда.
На девять лет была моложе,
Скромна, улыбчива, нежна,
К себе старалась быть построже,
К нему - примерная жена.
Медовый месяц был недолог:
Звала забота за порог,
Историк, химик и геолог
Дорогу выбрал из дорог.
Пошёл пешком,
Большой и сильный,
На Любек, Франкфурт, Амстердам.
Он предпочёл свою Россию
Всем европейским городам.
Порою был бедней бродяги,
Искал приюта и тепла.
В голландском городе Гааге
Просил подмоги у посла.
Не все встречали хлебом-солью,
Нередко следовал отказ,
И вдруг - весёлое застолье:
Пьют, разумеется, не квас,
Зазвали, приняли как брата,
Уговорили есть и пить.
Назавтра сделали солдатом,
Погнали герцогу служить.
Был как у зверя в цепких лапах
И всё ж бежал, сорвав замок.
Прости-прощай, коварный Запад!
Ему дорога - на Восток!
Мечтал он в блеске жизни новой
Явиться к старому отцу.
Судьба дала ответ суровый,
И тень прихлынула к лицу,
Приснился сон,
И болью острой
Пронзило грудь, душа болит.
Во сне увидел море, остров -
Отец на острове лежит.
Домой приехал - разговоры
Повёл, решителен и скор,
Искал на рынке Холмогоры.
Услышал: "Я из Холмогор!"
Стал задавать ему вопросы
И в цель печальную попал:
"Крепись, Михаиле Ломоносов!
Отец твой без вести пропал.
Уплыл, как только вскрылись воды,
Четыре месяца, как нет.
Видать, игрушкой непогоды
Стал твой родитель,
Наш сосед".

Просился сын в родные дали,
Отца несчастного любя,
Но в Академии сказали:
"Сиди! Найдут и без тебя".
Отца чужие хоронили.
Роняли слезы рыбаки.
А сын, трудясь, как лошадь в мыле,
Сидел, стараясь в две руки.
Шло время жуткое Бирона.
Подмяли немцы русский двор.
Пошли остзейские бароны
На Петербург во весь опор.
Шуты работали прекрасно.
У них позиция своя.
Царица Анна в кофте красной
Стрелять любила из ружья.
Не стало Анны.
В прежнем страхе
Народ под немцами сидел,
Из канцелярии Шумахер
Всей Академией владел.
Не знал ни горя, ни печали,
Довольный властью и судьбой,
И речи чуждые звучали
С учёной кафедры любой...
Михаиле выступил с докладом.
С большим вниманьем слушал зал.
Сказали: "Здорово! Что надо.
Не зря в Европе побывал".
Сносил бы далее нагрузки,
Не прочь ночей недосыпать.
И вдруг сказал:
"Пора по-русски,
По-русски лекции читать!"
"Зачем?!"
Науку мы угробим!
Над головою взвился крик. -
Язык России неудобен.
Он слишком беден,
Ваш язык".
Держась спокойней и смелее,
Михаиле свет зажѣг во тьме:
"Язык России не беднее,
А всех богаче на земле!"

Всегда о Родине желанной
Кипели думы в голове:
И там, в Германии туманной,
И тут, во граде на Неве.
Жил поначалу в одиночку,
От счастья главного вдали.
Всѣ ждал и ждал жену и дочку.
И вот приехали они.
Навеки Марбургу обязан:
Ученью рад,

Ученым рад.
С его любовью нежно связан
Германский град,
Прекрасный град.
Елизавета свет Христина
Сняла гору большую с плеч.
Свела три сердца воедино
Её пленительная речь.
В жене любимой столько света,
Хватило им на все года.
Он звал её Елизаветой,
Христиной - реже, иногда.
Снимал парик пышноволосый,
Родным теплом был разогрет.
Была супруга златокосой,
Как утверждал один поэт.
Жила не в клетке золочёной,
В долгах и хлопотах жила.
Как уверял один учёный,
Она великою была.
Теряли дочь,
Теряли сына
И снова дочку обрели.
Плечом к плечу два исполина
Дорогу трудную прошли...
В заботах жили постоянно.
Чуть что - встревожена она.
Жаль, просыпается он рано
И пропадает дотемна.
Всё ждёт и ждёт,
Как голос гулкий
Вновь у порога загремит...
Однажды шёл по переулку.
Навстречу трое - грозный вид.
Его раздеть решили трое
Непробиваемых невежд.
Он принял бой.
Бежали двое.
Остался третий без одежд.
Гол как сокол, не взвидел света...
Поэт с добычею своей
Пришёл, крича:
"Елизавета!
Сюда!
Прими-ка мой трофей!"
Жена довольна: всё в порядке,
С лица мгновенно спал испуг.
А муж: "У нас похлеще схватки". -
"Где?" - "В Академии, мой друг!"

Он дорожил ученым словом,
Будь просто речь или доклад.
В горячий спор вступал с Тепловым,
Был Крашенинникову рад.
Чистейший Рихман

Хоть из немцев,
А другом стал своих милей,
Таких побольше иноземцев,
Было б Отечество сильней.
Жаль, грозовым убит разрядом.
Михайле плакал:
"Милый брат!
Мы были рядом,
Всюду рядом.
Прости меня, в чём виноват!"
Но эти Бауэр и Миллер
И прочих типов тёмный ряд,
Они на вас глядят умильно,
Но правды всей не говорят.
И эти Тауберт, Шумахер
С лихой компанией своей
Держать людей умеют в страхе,
Играя роль учителей.
Они в речах велеречивы,
Они достоинства полны,
Жадны их руки до наживы,
До государственной казны.
И тот, и этот - академик,
Спешат выпячивать себя.
Не ради чести,
Ради денег
Сошлись на русские хлеба.
Не спор, а бой с утра до ночи,
Хоть вон иконы выноси...
На двадцать пять веков короче
У них история Руси.
На первом месте - скандинавы,
Германцы,
Греки,
Мы - потом.
У нас ни древности, ни славы,
А дикость полная кругом.
Направо глянь,
Взгляни налево -
Полно нерусских там побед.
А мы сошли как будто с древа:
Ни городов, ни княжеств нет...
Спешит Михайле на работу,
Большую палку попросил:
Опять прихлынула забота
Во весь размах душевных сил.
"Бывают жаркие моменты, -
Дал пояснение жене, -
Дубина служит инструментом:
Бью по столу,
Как по спине"...
Блестит время именами,
Как небо - заревом-огнём.
Все разговаривают с нами
О нём, решительно о нём,
Он - знамя гордое эпохи.
Таких в бессмертие берут.

Враги его ценили плохо:
Дай слово - грязью обольют.
Смотри, как лезут вон из кожи,
Как жадно ищут дураков:
Твердят о нём одно и то же:
"Из мужиков, Из мужиков"...

12

Возликовал народ московский!
В тот день великий
Вместо роз
Елизавете Разумовский
С поклоном оду преподнёс.
Взяла и сразу же с вопросом:
"Кто автор?" -
"Наш учёный друг.